

Хунтяндун.

В руинах заброшенного храма, на каменных ступенях, сидел человек. Его серебристые волосы были небрежно подвязаны простой лентой, а сам он был облачен в черные одежды. В этом спокойном облике угадывалась мягкая, почти эфемерная грация.

Этим человеком был никто иной, как Цзян Есюэ, которого все считали давно сгинувшим и забытым.

Длинным, изящным пальцем он коснулся глиняной фигурки на ступенях, и та отозвалась чистым, похожим на звон разбитого нефрита голосом:

— Чу И, не грусти, не грусти...

Цзян Есюэ невольно улыбнулся, глядя на забавную поделку, но следом тяжело вздохнул. Откинувшись на руки, он растянулся на земле и уставился в кроваво-красное небо.

— Эй, старик, мне до смерти скучно. Может, разрешишь выбраться наружу прогуляться?

В руинах возник полупрозрачный силуэт старца с лицом ребенка и седой бородой. Тот от нечего делать поглаживал свои длинные усы, лениво паря в воздухе, и, судя по всему, чувствовал себя превосходно. Однако его ответ заставил Цзян Есюэ поморщиться.

— Нельзя. Сейчас конец года, снаружи слишком много людей. К тому же семья Юэ собирается здесь для совершения обряда поминовения, тебе нельзя показываться им на глаза.

Цзян Есюэ надул щеки:

— Старик, до поминок семьи Юэ еще несколько месяцев, ты что, совсем память растерял от старости?

Старик продолжал расправлять свою седую бороду, ничуть не смутившись дерзости юноши.

— В этот раз всё иначе. Глава семьи Юэ вернулся в Линьянь раньше срока, значит, и обряд проведут раньше, а потом они сразу отбудут в Чунхуа. Так что не балуйся, потерпи еще несколько дней, и я тебя выпущу.

Закончив, он не удержался от ворчания:

— Когда ты сюда пришел, уверял, что пресытился мирской суетой и больше не жаждешь мирских благ. Так чего же теперь каждые три дня рвешься наружу? Ума не приложу, как ты вообще справляешься со своей ролью Хранителя.

Цзян Есюэ в ответ лишь широко зевнул, прикрыв глаза, которые когда-то были карими, а теперь стали алыми. Слова старика действовали на него как колыбельная, навевая дремоту. Тем не менее, он ответил:

— Старик, тебе самому не надоело? Ты твердишь одно и то же уже несколько лет. Да, я ко всему охладел, но неужели нельзя сделать это место хоть немного менее гнетущим? Я просто хочу выйти и глотнуть свежего воздуха.

Не дождавшись ответа, он продолжил:

— К тому же, люди стараются провести поминки пораньше, а сейчас уже почти вечер, кто сюда пойдет? Ты же знаешь, я никогда не нарываюсь на неприятности.

Старик всё так же перебирал бороду, но в конце концов вздохнул, и в его голосе прозвучало сомнение:

— Сяо Сюэ, я всё больше сомневаюсь, действительно ли ты избавился от семи чувств и шести желаний. Почему тебя всё еще так тянет в мир людей?

Услышав это, Цзян Есюэ открыл глаза, сел и, уставившись на старика, передразнил его назидательный тон:

— Старик, кто угодно может сомневаться в том, отсек ли я свои чувства, но только не ты. Мне просто до смерти скучно, вот и ищу, чем заняться. Исследовать артефакты ты не даешь, а твои древние манускрипты я уже выучил наизусть.

— Я маюсь от безделья, мне это невыносимо. Позволь мне выйти, заодно куплю побольше книг, чтобы было чем убить время, и я перестану тебя донимать. Разве это не выгодно нам обоим?

Старик перевел взгляд на кучу глиняных фигурок и бамбуковых воинов и снова вздохнул:

— Тебе и эти вещи, хранящие твои прежние воспоминания, тоже надоели?

После перерождения в качестве Хранителя Цзян Есюэ словно переродился, и всё, что было у него раньше, исчезло, оставив лишь те крупницы памяти, которые он сам решил сохранить. По логике вещей, было бы лучше забыть всё и начать с чистого листа, но Цзян Есюэ поступил иначе: он решил сохранить всё, надеясь, что новый Цзян Есюэ не наступит на те же грабли.

Цзян Есюэ мельком взглянул на фигурки:

— С чего бы им надоест? Каждый раз, глядя на них, испытываешь новые чувства. Просто от долгого созерцания голова начинает идти кругом.

После долгой словесной перепалки старик всё же сдался. На прощание он произнес суровое предупреждение:

— Если так настаиваешь — иди, я не стану тебя удерживать. Но запомни: если встретишь кого-то из семьи Юэ, беги без оглядки. Если они тебя увидят, я сделаю так, что ты до конца своих дней не выйдешь отсюда.

Цзян Есюэ понял серьезность его слов и не стал спорить.

— Не волнуйся, старик. Увижу их — скроюсь так далеко, как только смогу.

Его нынешние манеры и речь были лишены как мягкости и благородства, присущих Юэ Есюэ, так и жестокости, свойственной ему в бытность демоном. Хотя он давно вырос, в душе он оставался подростком, чьей единственной чертой была искренность.

В Линьане начался мелкий дождь. Приближался конец года, на улицах то и дело взрывались петарды, дети в новых одеждах бегали друг за другом, а старшие помогали готовить праздничный ужин. Словом, город был полон счастья и суеты.

Закутавшись в плащ с узором из сине-черных лотосов и наложив простое заклинание изменения внешности, он стал совершенно неприметным прохожим. Он наблюдал за чужой радостью, сохраняя на лице мягкое, но отстраненное выражение.

Не задерживаясь, он направился в книжную лавку, куда захаживал часто. Так как сегодня был канун Нового года, а Цзян Есюэ пришел поздно, лавка уже закрывалась. К счастью, он был хорошо знаком с мальчиком-служкой, который не стал чинить препятствий и позволил ему выбрать всё необходимое.

Цзян Есюэ сдержал слово и уже через мгновение подошел к прилавку, чтобы расплатиться. Однако количество и содержание выбранных книг повергли мальчишку в шок. Он даже усомнился, не спит ли он.

— Господин... вы уверены, что хотите взять именно это? И... в таком количестве?

Мальчик ожидал, что такой утонченный господин выберет классические труды мудрецов, а не стопку фривольных бульварных романов. Да он, кажется, выгреб из лавки вообще всё, что было! Мальчик подумал лишь одно: внешность действительно бывает обманчива.

Не обращая внимания на изумление слуги, Цзян Есюэ кивнул, оплатил покупку, сложил книги в бездонный мешочек и удалился.

Раз уж он с таким трудом выбрался наружу, как можно не устроить себе пир? Хотя ему, в сущности, больше не нужно было есть.

Помня о наказе старика, Цзян Есюэ не пошел в шумные рестораны на главных улицах, а выбрал тихий переулок. Из-за праздника в маленьком трактире было пусто, и слуги

бездельничали.

Выбрав столик у окна на втором этаже, он снял плащ, прикрывавший лицо, и посмотрел на дождливую улицу. Когда подошел официант, расхваливающий фирменные блюда, Цзян Есюэ сказал:

— На улице холодно, пресная еда не по вкусу. Подавайте всё с острыми приправами.

Слуга присмотрелся к гостю. Дело было не в деньгах — он сомневался, осилит ли этот стройный, почти хрупкий на вид юноша такой заказ. Раньше, под плащом, это было не так заметно, но теперь, когда тот его снял, на него было трудно не обратить внимание.

— Господин, вы заказали так много... к вам кто-то придет? — спросил слуга.

Цзян Есюэ обернулся и слегка улыбнулся:

— Нет. Если не осилю, попрошу завернуть с собой.

— Не стоит беспокойства, господин, это не составит труда. Если больше нет распоряжений, я пойду передам заказ на кухню.

Получив кивок, слуга удалился. Цзян Есюэ остался один. Он устроился поудобнее, посмотрел в окно, но вскоре снова заскучал. Вздохнув, он вытащил из мешочка одну из купленных книг и небрежно раскрыл её на столе.

Выбор был невелик: всё, что было в той лавке, он уже знал наизусть, так что приходилось брать то, что раньше не попадалось. Прочитав название, он усмехнулся:

— Похождения соседа-старшего брата в погоне за мужем. Название — просто блеск. Нормальный человек такое читать не станет. Пф! Похоже, я и правда ненормальный.

Смеясь, он вдруг нахмурился:

— Стоп. Сосед-старший брат, погоня за мужем... Если я правильно понимаю, сосед — мужчина, и муж — тоже мужчина? Я что, так долго сидел в горах? Неужели нравы стали настолько свободными?

— А-а!

В голове внезапно кольнуло. Цзян Есюэ вскрикнул и потер виски. Мысли спутались, но окончательно его отрезвил голос девушки, донесшийся с улицы:

— Брат Чэнь Цин, я... мне кажется, я видела... видела учителя...

Как только эти слова стихли, Цзян Есюэ почувствовал колебания духовной энергии и мысленно выругался. Он ведь специально выбрал глухой переулок, как его угораздило наткнуться на них?

Кто-то был внизу, а кто-то уже поднимался по лестнице. Цзян Есюэ мог бы уйти, но если он сбежит сейчас, проблем станет только больше.

Раздался грохот, дверь распахнулась. Цзян Есюэ с самым «изумленным» видом уставился на вошедших, застыв с книгой в руках.

— Б-братцы, что-то случилось? — «испуганно» спросил он.

Вошедший был почти одного с ним роста, а черты лица — до боли знакомыми, только теперь они стали более мужественными. Юэ Чэнь Цин впился взглядом в это лицо, и гнев в нем вскипел. Он почти прорычал:

— Цзян Есюэ! Ты и правда жив!

В его взгляде и голосе сквозило желание разорвать человека перед собой на части. Цзян Есюэ «снова вздрогнул» и принялся суетливо оправдываться:

— Эй, брат, ты ошибся. Я не Цзян Есюэ, меня зовут Хань И. Мне уже за тридцать, и я, слава богу, пока не умирал.

Но Юэ Чэнь Цин был словно в бреду:

— Замолчи! Ты — Цзян Есюэ, кто же еще!

«Мало ли кто еще может им быть», — подумал Цзян Есюэ, но всё же пришел в замешательство. Юэ Чэнь Цин наступал, и он, «в панике» пятясь назад, продолжал твердить:

— Друг мой, я правда не тот, о ком ты говоришь. Посмотри на меня, я выгляжу как человек, который с трудом удержится на ногах от легкого толчка, какой из меня Цзян Есюэ? Да и ноги у меня здоровы... А-а! Помогите!

Пятясь, он потерял равновесие и, не удержавшись, вывалился прямо из окна.

<http://bllate.org/book/22459/2362184>